

EDN: LOLMAG
УДК 343.98

The Concept of Ensuring a Balance Between Anti-Corruption and Anti-Corruption Protection

Yury P. Garmaev*

*Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation*

Received 19.02.2026, received in revised form 02.03.2026, accepted 13.03.2026

Abstract. The article examines the problem of imbalance in modern anti-corruption activities, in which effective anti-corruption measures generally dominate the protection of citizens' rights. The purpose of the study is to provide a theoretical justification, develop a concept and specific measures to ensure a balance between anti-corruption and anti-corruption protection based on the principle of proportionality. The results of the study revealed negative trends, excesses of «excessive law enforcement», such as underestimation of standards of evidence in cases of bribery and prioritization of minor offenses. A balanced model is proposed that integrates anti-corruption ideas and anti-corruption protection mechanisms, including prevention, legal education, including criminal law audit, as well as emergency and offensive protection. The author concludes that the transition to the paradigm of balance will increase the legitimacy and effectiveness of all anti-corruption activities. The implementation of the proposed algorithms will help to harmonize the interests of the individual, society and the state.

Keywords: anti-corruption, balance, anti-corruption protection, corruption crimes, standard of proof, anti-corruption activities, protection of citizens' rights, negative trends, emergency and offensive protection, prevention of corruption.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law Sciences.

Citation: Garmaev Yu. P. The Concept of Ensuring a Balance Between Anti-Corruption and Anti-Corruption Protection. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 750–762. EDN: LOLMAG

Концепция обеспечения баланса между противодействием коррупции и антикоррупционной защитой

Ю.П. Гармаев

*Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, Улан-Удэ*

Аннотация. В статье рассматривается проблема дисбаланса в современной антикоррупционной деятельности, при котором в целом эффективные меры борьбы с коррупцией доминируют над защитой прав граждан. Целью исследования является теоретическое обоснование, разработка концепции и конкретных мер обеспечения баланса между противодействием коррупции и антикоррупционной защитой на основе принципа пропорциональности. Результаты исследования выявили негативные тенденции, перегибы «избыточного правоприменения», такие как занижение стандартов доказывания по делам о взяточничестве и приоритизация малозначительных правонарушений. Предложена сбалансированная модель, интегрирующая идеи противодействия коррупции и механизмы антикоррупционной защиты, включающей профилактику, правовое просвещение, в том числе уголовно-правовой (шире – правовой) аудит, а также экстренную и наступательную защиту. Автор делает вывод, что переход к парадигме баланса позволит повысить легитимность, эффективность всей антикоррупционной деятельности. Внедрение предложенных алгоритмов будет способствовать гармонизации интересов личности, общества и государства.

Ключевые слова: противодействие коррупции, баланс, антикоррупционная защита, коррупционные преступления, стандарт доказывания, антикоррупционная деятельность, защита прав граждан, негативные тенденции, экстренная и наступательная защита, профилактика коррупции.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Цитирование: Гармаев Ю.П. Концепция обеспечения баланса между противодействием коррупции и антикоррупционной защитой. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 750–762. EDN: LOLMAG

Введение

Задачи повышения эффективности антикоррупционной деятельности в Российской Федерации на современном этапе находятся под самым пристальным контролем со стороны государства и вызывают глубокий интерес гражданского общества, всех граждан. Анализ актуальных данных о противодействии коррупции свидетельствует о системном и по-своему беспрецедентном усилении мер

по борьбе с ней, а также смещении акцентов с количественных показателей на качественные результаты, что следует оценить как безусловно позитивную тенденцию и важный шаг в укреплении правопорядка. В то же время, как отметил Генеральный прокурор РФ: «В борьбе с коррупцией недопустимы популизм и «искусственное наращивание показателей, ... а упор в надзоре должен делаться на профилактику нарушений» (Gutsan,

2025). Данный подход отражает зрелость антикоррупционной политики государства и переход к стратегии долгосрочной эффективности.

Однако высокие показатели борьбы с коррупцией формируют лишь одну чашу весов антикоррупционной деятельности. Основная гипотеза настоящего исследования заключается в наличии определенного дисбаланса, «обвинительной акцентуации», что, безусловно, требует глубокого научного осмысления и принятия системных мер.

Методология

Методологическую основу исследования составили в том числе разработки научной криминологической школы Сибирского федерального университета, в качестве одной из ключевых концепций которой выступает теория антикоррупционной криминологической безопасности (Damm, 2024). Основоположник теории – Н.В. Щедрин, определил понятие антикоррупционной безопасности (Shchedrin & Damm, 2020). Развивая концепцию, И.А. Дамм констатирует, что современная российская правовая система достигла предела своей эффективности, столкнувшись с внутрисистемными противоречиями и стагнацией механизмов противодействия коррупции. Сам термин «противодействие» имеет векторную направленность воздействия только на сам источник опасности – коррупционную преступность. Соответственно, за рамками пресловутого противодействия коррупции остается значимое направление – защита системообразующих объектов от коррупционных угроз и источников опасности – личности, общества и государства. Автор также отмечает, что антикоррупционные меры безопасности, в отличие от мер ответственности, носят предупредительный характер и направлены на защиту коренных интересов личности, общества и государства. При этом наибольшую опасность коррупция представляет в органах государственной власти, а также в правоохранительных органах, поскольку противодействие коррупции предполагает активное воздействие на источник опасности (кор-

рупцию). Власть, таким образом, с одной стороны, в лице государственных органов и их должностных лиц является основным субъектом противодействия коррупции, а с другой стороны, выступает источником коррупционной опасности. Соответственно, власть осуществляет противодействие коррупции в отношении самой себя. В связи с этим познание антикоррупционной криминологической безопасности требует выделения и дополнительной характеристики объектов с двойственной природой для обеспечения их усиленной антикоррупционной защиты.

Обеспечение антикоррупционной криминологической безопасности объединяет в себе два основных направления: антикоррупционную охрану, защиту значимых объектов (первое направление) и противодействие коррупционной преступности (второе направление) (Damm, 2024). Анализируя проблематику настоящего исследования с учетом этой концепции, становится методологически очевидным необходимость обеспечения разумного баланса между антикоррупционной охраной, защитой значимых объектов (первое направление) и противодействием коррупционной преступности (второе).

Еще одним элементом методологии исследования является принцип пропорциональности. Как отмечает ряд авторов, он представляет собой фундаментальный элемент современной правовой системы, направленный на обеспечение справедливого баланса между целью государственного вмешательства и ограничением прав и свобод частных лиц. «Правоприменитель, учитывая различные социальные, экономические, политические и иные метаюридические факторы, в разрешении проблемы соразмерности средств и цели должен найти «золотую середину» или баланс между ограничением прав и приобретаемыми в результате ограничения выгодами... На текущий момент принцип пропорциональности, ставший «неотъемлемым атрибутом юридической культуры» в европейских государствах, проник далеко за пределы общеевропейского правового пространства

и получил признание в странах с разными правовыми системами Южной Америки, Африки, Австралии, Новой Зеландии, а также Северной Америки (Iadrikhinskii, 2021: 82–105; Barak, 2012).

Р. Б. Булатов и А. С. Михасев полагают, что этот принцип формулирует требование, чтобы ограничения были пропорциональны цели и не выходили за рамки необходимого для ее достижения (Bulatov & Mikhasev, 2024: 21–24).

Утверждается, что для оценки соблюдения принципа пропорциональности в конкретных ситуациях необходимо использовать специальный инструментарий – тест на пропорциональность, который помогает оценить законность и обоснованность нормативных и правоприменительных актов путем определения цели, эффективности и необходимости их принятия и применения. Этот принцип, в иной терминологии, фактически применяется и высшими судебными инстанциями¹.

Эмпирическая основа исследования

В качестве эмпирической основы применен оригинальный подход, включающий комбинацию публичных выступлений и целевого опроса практикующих юристов. В 2024 и 2025 гг. (Siberian Anti-Corruption Forum, 2024; Siberian Anti-Corruption Forum, 2025) автор дважды выступил на ежегодном Сибирском антикоррупционном форуме с данной проблематикой (Report, 2025). Пользуясь беспрецедентным для научных форумов количеством практикующих юристов, после выступлений проводились интервью с присутствующими правоприменителями (далее – респонденты). Формулировки вопросов охватывали проблематику наличия/отсутствия упомянутого баланса. Дополнительно после форума 2025 г. опрошен ряд не присутствовавших

респондентов путем демонстрации им указанной видеозаписи и стенограммы доклада. В общей сложности таким образом было опрошено 52 респондента – действующие правоприменители, представители двух сторон уголовного судопроизводства: 35 следователей, оперативных сотрудников, прокурорских работников; 17 адвокатов, имеющих опыт защиты по уголовным делам о коррупционных и сопутствующих им преступлениях.

Тревожные тенденции или отдельные негативные факты?

Рассмотрим два наиболее значимых в заданном контексте аспекта дисбаланса в сторону усиления второго направления – противодействия коррупционной преступности. Речь о не основанных на законе мерах борьбы с коррупцией: занижение «стандартов доказывания» по делам о коррупционных преступлениях и приоритизация малозначительных правонарушений в целях улучшения статистических показателей.

Занижение «стандартов доказывания». В последние годы судебная практика демонстрирует множество примеров, которые постепенно могут вылиться в тревожную закономерность. Суть ее – отход от тех критериев достаточности доказательств, которые десятилетиями складывались в правоприменении, хотя и не получили прямого нормативного закрепления. Речь идет о типичных уголовных делах по обвинению в получении/даче взяток (здесь и далее в заданном контексте имеются в виду и уголовные дела о смежных коррупционных преступлениях: коммерческий подкуп, коррупционное мошенничество и т.п.), где суды признают доказанной вину подсудимых на основании показаний единственного лица – другого обвиняемого или свидетеля. Вот типичная следственная (судебная) ситуация: некий гражданин заявляет, что должностное лицо требовало у него взятку. Следствие предлагает такому заявителю дать изобличающие показания и воспользоваться (иногда задним числом) механизмом освобождения от уголовной ответствен-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2018 № 28-П // Доступ из СПС «Консультант Плюс»; Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

ности, предусмотренным примечанием к ст. 291 УК РФ. Иногда применяется сходный процессуальный механизм и связанная с ним тактическая операция – на основе заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (Khamidullin, 2018). Анализ множества конкретных уголовных дел такого типа показывает: в рамках использования подобных механизмов обвинительные приговоры выносятся при отсутствии, например, вещественного доказательства – самого предмета взятки (денежных купюр, иных материальных ценностей), без проведения значимых для доказывания оперативно-разыскных мероприятий. Доказательственная база строится зачастую в основном или даже исключительно на показаниях заявителя – «сотрудничающего» лица.

Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025)² уже не впервые приводятся следующие обстоятельства типичного уголовного дела о получении взятки. 26 июля 2023 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение одного из краевых судов и кассационное определение Восьмого кассационного суда от 14 декабря 2022 г., направив дело на новое апелляционное рассмотрение в ином составе суда по делу руководителя ЗАГСа Г., осужденной за получение взяток и служебный подлог. Верховный Суд справедливо указал, что нижестоящие суды не дали надлежащей оценки ключевым доводам защиты и не привели убедительных мотивов для их опровержения. В частности:

- заинтересованность свидетелей-взяткодателей: основные свидетели обвинения (О.М., С., О.Н.) сами были осуждены за мошенничество, связанное с получением пособий на несуществующих детей, и имели мотив оговорить Г., которая ранее сообщала о них в правоохранительные органы;
- по другим приговорам эти же лица (О.М., С., О.Н.) были признаны виновными в мошенничестве путем обмана сотрудни-

ков ЗАГСа, а не дачи взяток, что противоречит обвинению Г.;

- отсутствие прямых доказательств: в деле отсутствовали результаты оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) и иные объективные доказательства получения взяток;

- недопустимость показаний: показания умершего свидетеля обвинения были получены в период, когда она страдала деменцией и последствиями инсульта, что ставит под сомнение их достоверность.

Верховный Суд РФ подчеркнул, что обвинительный приговор по делу о взяточничестве, как и по любому иному делу, должен основываться на **достаточной совокупности** (выделено мной – Ю.Г.) относимых, допустимых и достоверных доказательств, чего в данном случае достигнуто не было. И это не единственное подобное решение высшей судебной инстанции³.

Таким образом, был подтвержден определенный, условно говоря, минимальный стандарт доказывания по делам о взяточничестве. Согласно ему, говоря упрощенно, в ситуации противостояния показаний («слово против слова») критерий достаточности доказательств не может считаться соблюденным.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий типичные судебные ситуации недостаточности доказательств. Приговором одного из судов Ш. оправдан по ч. 3 ст. 290 УК РФ. Оправдан дважды (Chelyabinsk online, 2019). На судебных стадиях доказательственная база обвинения опиралась на показания свидетеля (ФИО8), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Суд установил отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), поскольку показания обвиняемого о своей невиновности не опровергнуты. Важно подчеркнуть мнение судьи в приговоре: свидетель был заинтересован в исходе, мог оговорить для облегчения своей участи, прямых доказательств (изъятия де-

² П. 48 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 8 октября 2025 г. // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³ См. также аналогичное в заданном контексте уголовное дело о получении взятки: Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.09.2021 г. № 11-УД21-15-К6 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

нег, места передачи и т.п.) нет, а его (свидетеля) обвинение связано с делом Ш⁴. Этот и предыдущие примеры судебной практики вновь и вновь иллюстрируют системный риск стороны обвинения по уголовным делам о взяточничестве, равно как и по иным коррупционным преступлениям: «сотрудничающие» со стороной обвинения явно заинтересованные лица часто становятся основным или даже единственным источником доказательств. Можно уже говорить о типичном характере чрезмерной зависимости стороны обвинения от такого рода показаний «досудебщиков» и иных заинтересованных лиц. В ряде интернет-публикаций также указывается, что практика уголовного преследования при отсутствии изъятых предмета взятки, основанная исключительно на показаниях лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и искусственно сконструированных производных доказательствах, вступает в противоречие с императивными требованиями уголовно-процессуального законодательства (Pravrub, 2025).

Можно ли говорить, что обвинительные приговоры подобного рода, то есть основанные в основном только на показаниях одного свидетеля обвинения, стали преобладающей практикой, устойчивой закономерностью? Думается, пока нет. Упомянутые выше опросы респондентов показывают, что в подавляющем своем большинстве (27 человек, 77,14 %; остальные 8 человек затруднились ответить на этот вопрос или ответили уклончиво, противоречиво) представители стороны обвинения признают, что такая практика имеется, но она не преобладающая, не массовая. Однако среди опрошенных адвокатов большинство, порядка 82,3 % (14 человек), на аналогичный вопрос ответили, что такая практика не просто имеется, но постоянно нарастает, переходя в массовую, в пугающую закономерность. Три респондента дополнительно обратили внимание на то,

что в заданном контексте нужно как-то учитывать судебные ситуации не только непризнания, но и формального признания вины обвиняемым, реально не согласным с обвинением, где все обвинение построено на показаниях тех самых заявителей о взяточничестве. Но сторона защиты вынуждена выбирать правовую позицию признания вины, «чтобы не было еще хуже».

Вывод очевиден: с позиции принципа законности (ст. 7 УПК РФ, ч. 3 ст. 49 Конституции РФ) борьбу с криминальной коррупцией недопустимо вести такими методами. В логике судов первой инстанции по приведенным двум примерам из практики Верховного Суда РФ осудить за взяточничество можно буквально любого (в том числе невиновного), на кого опять же любой, даже явно и кровно заинтересованный в оговоре, укажет как на взяткодателя/взятополучателя. «Так можно посадить любого: без совокупности с иными доказательствами, без самого предмета взятки, без результатов ОРД, по фактам, имевшим места в далеком прошлом» (из реплик опрошенных респондентов).

Следует отметить, что актуальная проблематика достаточности доказательств по делам о взяточничестве (как и по иным видам преступлений) неоднократно поднималась в научной литературе. Общий вектор научных позиций сводится к следующему: совокупность доказательств является недостаточной, если:

- она базируется преимущественно на обвинительных показаниях единственного лица (например, взяткодателя);
- остальные доказательства стороны обвинения носят производный характер от указанных показаний;
- обвиняемый (например, «взятополучатель») свою вину не признает; в материалах дела отсутствуют изъятые и процессуально оформленные вещественные и иные доказательства (предмет взятки, аудио- или видеозаписи встреч и иные объективные носители информации) (Govorkov, 2008: 19; Popov, 2018: 26–28).

Так, П. С. Яни формулирует некий минимальный перечень (набор) доказательств

⁴ Приговор Чебаркульского городского суда Челябинской области от 11 ноября 2019 г. по делу в отношении Ш. (Шацкого С.Ю.) по ч. 3 ст. 290 УК РФ. Архив Чебаркульского городского суда Челябинской области.

по делам о взяточничестве в следственных и судебных ситуациях, когда нет результатов ОРД и не имело место задержание лица с поличным. Приведем этот перечень в кратком изложении:

1) прямые показания свидетелей: взяткодателей, посредников, лиц, которых склоняли к соучастию, у которых вымогали взятку (потерпевших), с которыми обсуждали условия получения взятки;

2) доказательства отсутствия у указанных свидетелей причин для оговора обвиняемого;

3) материалы прослушивания телефонных и иных переговоров, «превращенные» в допустимые доказательства;

4) доказательства наличия у обвиняемого денежных средств (в т.ч. на счетах подконтрольных лиц), ставших предметом взятки, или трат, превышающих законные доходы;

5) доказательства именно незаконных действий (бездействия) должностного лица за взятку. Это позволяет простым логическим путем установить связь между вознаграждением и служебным поведением.

Таким образом, автор констатирует: несмотря на принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК), практика *de facto* выработала высокие формализованные стандарты доказывания по делам о взяточничестве, где результаты ОРД (включая задержание с поличным) стали фактически «царицей доказательств» (Iani, 2018: 37–42).

Итак, игнорирование как законодательных требований, так и массовой правоприменительной практики о достаточности доказательств по уголовным делам о коррупционных преступлениях недопустимо и представляет серьезную угрозу правам граждан, интересам общества и государства в целом. Иными словами, весы баланса между антикоррупционной защитой и противодействием коррупции противоправно склоняются в сторону второго направления.

Приоритизация малозначительных правонарушений в целях улучшения статистических показателей. В конце 2022 г. были подчеркнуты широко распространенная негативная закономерность в деятель-

ности правоохранительных органов, некий неформальный приоритет борьбы с мелкими преступлениями, не представляющими правовой и криминалистической сложности (Garmayev, 2023: 63–71). С тех пор положение некоторым образом улучшается. По данным Генеральной прокуратуры РФ, на начало 2025 г. доля случаев мелкого взяточничества значительно сократилась. «В прошлом дела по этой категории использовались для раздувания показателей в сфере борьбы с коррупцией. Но последовательные усилия прокуроров, в том числе координационного характера, привели в сторону ощутимого повышения качества документируемых фактов взяточничества (в значительном и выше размерах)» (Prosecutor General's Office 2025). Так, если в 2017 г. доля выявленных случаев мелкого взяточничества составляла около половины (48,2 %) от общего числа всех преступлений, связанных со взяточничеством, то по итогам 2024 г. доля мелкого взяточничества сократилась до трети (27 %), а в первом квартале 2025 г. – до 20,3 %. Однако в абсолютных цифрах в первом квартале 2025 г. в ведомстве отметили рост выявляемости мелких взяток почти на треть (Prosecutor General's Office 2025). Таким образом, проблема, пожалуй, существует, но внимание на нее обращено. Она как-то решается.

Однако признаки дисбаланса, перегибов в части «борьбы с мелочевкой ради показателей» усматриваются не только в уголовно-правовой сфере, но и в сфере противодействия иным коррупционным правонарушениям. Так, тревогу вызывают перегибы в противодействии некриминальной коррупции, на которые обращает внимание А.Д. Ильяков. Автор как ведущий научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры РФ провел глубокое исследование, по результатам которого делает выводы, что зачастую выбор мер реагирования не соответствует характеру и степени общественной опасности выявленного правонарушения. Это приводит к необоснованному ужесточению ответственности даже в малозначительных случаях. Особую тревогу вызывает практика безосновательного

требования об увольнении в связи с утратой доверия, применяемая без достаточных оснований. Кроме того, наблюдается стремление к искусственному увеличению статистических показателей работы надзорных органов, что препятствует выявлению и пресечению реальных нарушений закона и подрывает эффективность антикоррупционной политики в целом (P'iaikov, 2021: 33–36).

В другой публикации справедливо отмечается: на примере принятия мер прокурорского реагирования по фактам выявленных нарушений, допущенных депутатами представительных органов местного самоуправления, следует учитывать, что для них за нарушение порядка представления сведений о доходах предусмотрен только один вид ответственности – досрочное прекращение полномочий. Однако прокуроры должны оценивать возможные негативные последствия исполнения своих требований: акты реагирования *должны быть направлены не на разрушение существующих правоотношений, а на их корректировку и приведение в соответствие с действующим законодательством* (курсив мой – Ю.Г.) (Sinel'shchikova & P'iaikov, 2026.). В юридической науке такой подход часто описывается метафорой Фрица Фляйнера: «Полиция не должна стрелять по воробьям из пушек» (Fleiner, 1911: 323; цит. по: Dolzhikov, 2022: 124–133).

Итак, проблема перегибов в мерах по противодействию коррупции существует, и в нашей стране имеет множество описанных и иных негативных проявлений, грозящих перерасти в устойчивые закономерности. И само по себе это естественно, причем характерно для множества разнообразных правовых систем (см. ниже). Вопрос в том, что государство, общество и в частности юридическая наука, может противопоставить этим тенденциям. А можно так: что можно положить на другую чашу наших гипотетических «весов баланса», то есть в качестве мер антикоррупционной охраны и защиты значимых объектов – личности, общества, государства?

Проблема избыточного правоприменения и перегибов за рубежом

Проблема некоего избыточного правоприменения (*over-enforcement*), безусловно, характерна не только для России. Она носит глобальный характер. В погоне за эффективностью противодействия коррупции современные правовые системы нередко жертвуют принципами пропорциональности и защиты прав личности. В нашей образной терминологии это «перегибы» в противодействии коррупции. Так, в исследованиях, посвященных эффективности политик конфликта интересов в странах ЕС, отмечается существование так называемого парадокса добропорядочности (*integrity paradox*). Суть этого типа перегиба заключается в том, что с усложнением общества растет потребность в более строгих и детальных правилах. Однако это ведет к ситуации, когда «законов, которые можно нарушить, становится слишком много, правоохранительные органы становятся более рьяными (*zealous*), а ресурсы в их распоряжении – более обильными». В результате статистически увеличивается количество формальных нарушений, что далеко не всегда отражает реальный уровень коррупции. Но создается сильное давление на должностных лиц, подрывая доверие к институтам власти (Demmke, Paulini, Autioniemi & Lenner, 2020).

Л. Фейкем полагает, что расширение сферы действия антикоррупционного права от борьбы с конкретными взятками до «предотвращения коррупции в широком смысле» является опасной фикцией. Суть этого перегиба автор характеризует как «иллюзию контроля» и «симптом сбоя» (*derailment*). Чрезмерное применение антикоррупционных норм приводит к отчуждающему и деморализующему воздействию на субъекты. При этом под угрозой оказывается само человеческое достоинство, которое изначально должно было защищаться этими законами (Feikema, 2024).

В США отмечаются многочисленные факты «непропорциональности следственных мер» обысков в компаниях, офисах различных организаций, которые призна-

ются в дальнейшем несоразмерными и нарушающими права обыскиваемых. В литературе указывается на необходимость ограничения изъятия только документов, относящихся к цели обыска, а также право организаций, бизнеса оспаривать обысковые меры и т.п. (Bronckers & Vallery, 2021: 75–92). Множество зарубежных авторов (например, Naughton, 2014: 846–865; Poyser & Milne, 2015: 59–73) исследуют проблему «криминализации неправомерных осуждений» и судебных ошибок, вызванных дефектами следственной деятельности. Суть этого перегиба – в игнорировании доказательств защиты и нарушения в тактике проведения допросов.

В целом в международной антикоррупционной практике активно обсуждается необходимость реформ, призванных сделать глобальную борьбу с коррупцией более предсказуемой, пропорциональной и легитимной, обеспечивая баланс между верховенством закона и интересами, например, мирового бизнеса (Bulovsky, 2019: 549–578). Названные и многие иные зарубежные исследования подтверждают тезис о том, что перегибы в деятельности по противодействию коррупции – это, конечно же, не региональная, а системная, международная угроза правам человека и гражданина как в российском, так и в иных правовых порядках.

Использование теста на пропорциональность в качестве инструмента оценки соразмерности ограничений прав

Выше, в разделе о методологии исследования обозначен и раскрыт принцип пропорциональности. Для его реализации наиболее распространенным среди ученых является четырехступенчатый тест, включающий следующие этапы (стадии): легитимность цели, уместность (рациональная связь между регулированием и целью), необходимость (отсутствие менее ограничительных альтернатив) и балансировка интересов (пропорциональность в узком смысле). Р.Б. Булатов и А.С. Михасев предлагают трехступенчатую модель, которая, по их мнению, позволяет вместить все вариации теста на пропорциональность:

– стадия определения законности и легитимности нормы права, когда оцениваются как формальные критерии принятия акта, так и его соответствие необходимым, поставленным перед ним целям;

– стадия уместности и необходимости, когда исследуется, подходят ли акт или избранное регулирование для достижения данных целей и нет ли возможности достичь цели принятием менее обременительного акта;

– стадия соразмерности и эффективности, когда исследуется как соразмерность ограничения прав и свобод, баланс интересов и ценностей, так и эффективность нормы в качественном измерении.

Справедливо отмечается, что данный тест может быть применен как к нормативным актам, так и к актам применения права (Bulatov & Mikhasev, 2024: 21–24). Не вдаваясь в подробности и некоторые естественные ограничения, можно заключить, что в целом тест на пропорциональность представляет собой важный инструмент для оценки согласованности и соответствия законности конкретных действий субъектов антикоррупционной деятельности. Он воплощает в себе сочетание юридической точности и социальной ответственности, способствует устойчивому развитию правового государства и обеспечению справедливости в обществе. Применение теста позволяет избежать произвола и необоснованных ограничений, обеспечивает гарантии справедливости для всех членов общества.

Очевидно, что обозначенные выше типичные перегибы – занижение стандартов доказывания и приоритизация малозначительных правонарушений – не проходят ни один из этапов теста на пропорциональность. Разве что есть сомнения о соблюдении первого.

Как лечить перегибы: к вопросу о содержании мер антикоррупционной безопасности

Для достижения пропорциональности, разумного баланса на вторую чашу весов необходимо положить систему мер антикоррупционной безопасности – то есть

меры по защите граждан, общества и государства. Как видим, речь идет не только о защите от самой коррупции как деструктивного явления, но и о защите от определенных перегибов, возникающих в процессе противодействия ей. Меры антикоррупционной безопасности должны включать в себя механизмы, оберегающие людей и целые коллективы от чрезмерных, а порой и незаконных, несправедливых мер противодействия.

Ранее было проведено исследование и представлена междисциплинарная концепция эффективной уголовно-правовой защиты бизнеса и должностных лиц (Garmayev, 2025: 598–610). Она как раз и базируется на принципе баланса, пропорциональности мер противодействия преступности и охраны, защиты базовых объектов: личности, общества и государства. Ключевое значение придается минимизации необоснованных уголовно-правовых рисков – вероятности незаконного преследования бизнеса и должностных лиц. Как представляется, удалось доказать, что данная концепция носит универсальный характер, то есть может распространяться и на антикоррупционную деятельность, поскольку межотраслевые характеристики криминальных, коррупционных угроз для бизнеса и управленцев, иных лиц и коллективов обнаруживает концептуальное сходство. Это позволяет применять единый инструментарий, в том числе антикоррупционной защиты.

Практическая реализация модели на уровне правоприменения включает алгоритм из трех взаимосвязанных компонентов.

1. Профилактика коррупционных и сопутствующих им рисков, антикоррупционное и шире – антикриминальное просвещение, антикоррупционный комплаенс и уголовно-правовой (или шире – правовой) аудит деятельности. Данный элемент является ключевым, основным в концепции и направлен на минимизацию как обоснованных, так и необоснованных криминальных рисков еще до возникновения конфликтной ситуации с государством.

Он предполагает проведение тренингов, деловых игр и специализированного аудита для выявления типичных правовых ошибок и заблуждений в управленческих и бизнес-процессах.

2. Экстренная защита на основе закона. Этот компонент активируется в ситуациях внезапного правового воздействия: при проведении обысков, выемок, обследований помещений или вызовов на допросы и опросы. Задачей является оперативное обеспечение соблюдения прав граждан и организаций, предупреждение фактов превышения полномочий со стороны сотрудников правоохранительных органов и, что особенно важно, без незаконного противодействия расследованию.

3. Наступательная (проактивная) защита. Такая защита базируется на принципе проактивности, предполагающем предвидение и упреждение мер уголовного и иного преследования за совершение (реального или мнимого) коррупционного преступления, иного правонарушения. Целью наступательной защиты является достижение правомерного, если это возможно, результата – прекращения уголовного преследования на максимально ранних стадиях, используя законные средства.

Внедрение данных мер в качестве компонентов эффективной защиты, антикоррупционной безопасности требует «бесшовного» взаимодействия между адвокатами, бизнес-юристами, прокурорами⁵ и представителями иных государственных органов и правозащитных структур для создания единого и непрерывного механизма обеспечения антикоррупционной безопасности (Garmayev, 2025: 600–601).

Уже ряд лет коллектив нашей научной школы реализует предлагаемую концепцию баланса, антикоррупционной защиты на прикладном уровне и проводит занятия для сотрудников и управленцев различных организаций по тематике типа: «Преду-

⁵ С учетом в том числе Приказа Генпрокурора России от 31.08.2023 № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

прежде коррупционных преступлений в такой-то сфере _____ и защита от незаконного обвинения в преступлении». В соответствующем видеоконтенте на официальном RuTube-канале (Effective protection of businesses and officials, 2026; Defense and prosecution in criminal cases of corruption and official crimes, 2026) и в рамках множества просветительских занятий используется прежде всего профилактический, просветительский инструментарий, антикоррупционный комплаенс и прикладные инструменты минимизации коррупционных и иных криминальных рисков. Как мы уже излагали в предшествующих публикациях, рассматриваются в том числе следующие вопросы:

- каковы коррупционные и иные правовые риски руководителей, сотрудников;
- как выявляются и расследуются преступления, иные правонарушения;
- в чем заключаются типичные правовые заблуждения и какова их «цена»;
- и, наконец, как защититься от клеветы и незаконного, необоснованного обвинения в преступлении, ином правонарушении.

На типичных практических примерах отрабатываются и внедряются алгоритмы действий руководителя и сотрудников в типичных рискованных ситуациях: провокации взяток, клеветы, ложных обвинений и т.п.

Для участников интерактивных занятий проводятся индивидуальные консультации и передаются:

- PDF-памятки с алгоритмами действий в типичных криминальных и следственных ситуациях,
- доступ к просветительскому видеоконтенту,
- специальная подборка литературы и судебной практики.

Важно отметить, что в рамках этой профилактической и просветительской деятельности никогда не допускается задача сомнительных советов типа: «Как совершить преступление и уйти от ответственности» или «Как противодействовать расследованию всеми возможными, в том числе незаконными способами». Не допускается также огульная критика, создание

негативного имиджа представителей правоохранительной и судебной системы. Это рассматривается как важнейшие методологические, этические правила реализации всей концепции.

Важно также разрабатывать и активно внедрять различные виды прикладного уголовно-правового и шире – правового, антикоррупционного аудита, антикоррупционного комплаенса как инструментов превентивного обнаружения рисков в организациях и у граждан. На текущий момент на уровне научных разработок нам не известны конкретные алгоритмы и правила проведения подобных аудитов. Для этого необходимо использовать нейросети и иные цифровые технологии. И это предмет для отдельных актуальных научно-прикладных исследований.

Заключение

В результате проведенного исследования сформулирована концепция баланса, основанная на идеях антикоррупционной безопасности, принципа пропорциональности. Переход от парадигмы противодействия коррупции к модели сбалансированной антикоррупционной деятельности позволит не только продолжать повышать ее эффективность, но и обеспечить правовую защищенность личности, общества и государства. Внедрение предложенной концепции и алгоритмов может способствовать значительному снижению количества фактов незаконного и необоснованного преследования должностных лиц, представителей бизнеса, иных граждан.

Направлениями дальнейших исследований могут стать в том числе разработка «ручных» и ИИ-алгоритмов автоматизированной оценки пропорциональности антикоррупционных мер как законодательного, так и правоприменительного характера. Необходимо также формировать методологически обновленные методики антикоррупционного просвещения, включая методики антикоррупционного комплаенса, междисциплинарного уголовно-правового и шире – правового аудита разнообразных организаций.

Эффективная антикоррупционная политика и антикоррупционная деятельность должны строиться на концепции баланса: защищая общество от коррупционных угроз, одновременно нужно обеспечивать гарантии от избыточных, неправомерных, несправедливых мер реагирования. Между-

народный опыт показывает, что проблема перегибов носит универсальный характер. Ключевым условием минимизации соответствующих рисков является их своевременное выявление и преодоление на основе научно обоснованных, методологически выверенных, системных решений.

Список литературы / References

- Barak A. *Proportionality: Constitutional Rights and Their Limitation*. Cambridge, University Press, 2012. 612.
- Bronckers M., Vallery A. Judicial Review and the Protection of Privacy Rights in Dawn Raids. In: *Competition Law Journal*, 2021, 20(2), 75–92.
- Bulatov R. B., Mikhasev A. S. Printsip proporsional'nosti i ego testovye kriterii [The principle of proportionality and its test criteria]. In: *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*, 2024, (11), 21–24.
- Bulovsky A. Promoting Predictability in Business: Solutions for Overlapping Liability in International Anti-Corruption Enforcement. In: *Michigan Journal of International Law*, 2019, 40(3), 549–578.
- Chelyabinsk online 2019: Sud povtorno opravdal yuzhnoural'skogo chinovnika po delu o vzyatke tryohletnej davnosti [The court re-acquitted the South Ural official in the case of a three-year-old bribe.]. Available at: <https://74.ru/text/criminal/2019/11/11/66343666/> (accessed February 14, 2026).
- Damm I. A. Osnovnye jelementy sistemy teorii antikorrupcionnoj kriminologicheskoy bezopasnosti [The main elements of the system of anti-corruption criminological security theory]. In: *Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*, 2024, 18(6), 591–601.
- Defense and prosecution in criminal cases of corruption and official crimes. 2026. Available at: <https://rutube.ru/plst/633746> (accessed February 5, 2026).
- Demmke C., Paulini M., Autioniemi J., & Lenner F. The Effectiveness of Conflict of Interest Policies in the EU-Member States. Brussels, European Union, 2020. 180.
- Dolzhiykov A. V. Konstitutsionnoe trebovanie neobkhodimosti: postanovka problemy [Constitutional requirement of necessity: statement of the problem]. In: *Pravoprimerenie [Law Enforcement Review]*, 2022, 6(1), 124–133.
- Effective protection of businesses and officials. 2026. Available at: <https://rutube.ru/plst/611131> (accessed February 5, 2026).
- Feikema L. Anti-Corruption Law as a Fiction: The Illusion of Serving Morality by Controlling It through Rules and Regulations with an International Reach. In: *Global Perspectives*, 2024, 5(1). 10.
- Fleiner F. Institutions of German Administrative Law [*Institutionen des deutschen Verwaltungsrechts*]. Tübingen, Mohr, 1911. 358.
- Garmaev Y. P. Preimushchestvennaia bor'ba s "melkimi" korruptsionnymi prestupleniyami kak problema praktiki i kriminalisticheskoi nauki [The predominant fight against "petty" corruption crimes as a problem of practice and forensic science]. In: *Lex russica (Russkii zakon) [Lex russica (Russian Law)]*, 2023, 76(3), 63–71.
- Garmaev Y. P. Effektivnaia ugovno-pravovaia zashchita biznesa i dolzhnostnykh lits: kontseptsii i ee prakticheskaya realizatsiya [Effective criminal law protection of business and officials: concept and its practical implementation]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*, 2025, 19(6), 598–610.
- Govorkov N. Dokazyvanie polucheniia vziatki [Proving the receipt of a bribe]. In: *Zakonnost' [Legality]*, 2008, (8), 19.
- Gutsan 2025 – Gutsan: iskusstvennoe narashchivanie pokazatelei v bor'be s korruptsiei nedopustimo [Gutsan: Artificial inflation of indicators in the fight against corruption is unacceptable]. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/25850127> (accessed February 14, 2026).

Iadrikhinskii S.A. Printsip proporsional'nosti kak instrument dostizheniia balansa interesov v nalogovykh otnosheniakh: problemy teorii i pravoprimeritel'noi praktiki v Rossii i za rubezhom [The principle of proportionality as a tool for achieving a balance of interests in tax relations: problems of theory and law enforcement practice in Russia and abroad]. In: *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2021, (3), 82–105.

Iani P.S. Dostatochnost' dokazatel'stv po delam o vziatochnichestve [Sufficiency of evidence in bribery cases]. In: *Zakonnost'* [Legality], 2018, (9), 37–42.

Il'iakov A.D. Sovershenstvovanie prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o protivodeistvii korruptsii [Improving prosecutorial supervision over the implementation of anti-corruption laws]. In: *Zakonnost'* [Legality], 2021, (3), 33–36.

Khamidullin R.S. *Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti sledovatelya po primeneniyu norm osobogo poryadka ugovnogo sudoproizvodstva pri zaklyuchenii dosudebnogo soglashiya o sotrudnichestve* [Criminalistic support of the investigator's activity on the application of the norms of the special procedure of criminal proceedings at the conclusion of a pre-trial cooperation agreement]: dis. ... cand. legal sciences, Ekaterinburg, 2018. 200.

Naughton M. (2014). Criminologizing wrongful convictions. In: *British Journal of Criminology*, 2014, 54(5), 846–865.

Popov I.A. Dokazyvanie predmeta vziatki kak neobkhodimoe uslovie privlecheniia k ugovnoi otvetstvennosti [Proving the subject of a bribe as a necessary condition for criminal liability]. In: *Mirovoi sud'ia* [Magistrate Judge], 2018, (3), 26–28.

Poyser S., Milne R. No grounds for complacency and plenty for continued vigilance: Miscarriages of justice as drivers for research on reforming the investigative interviewing process. In: *Theoretical Criminology*, 2015, 19(1), 59–73.

Pravrub 2025: Net deneg – net vzyatki? Mozhno li dokazat' st. 290 UK RF, esli poluchenie vzyatki ne zafiksirovano [No money, no bribe? Is it possible to prove art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation if receiving a bribe is not recorded.]. Available at: <https://pravrub.ru/articles/101784.html> (accessed February 5, 2026).

Prosecutor General's Office 2025: Genprokuratura raskryla dannye o korruptcii v Rossii [Prosecutor General's Office revealed data on corruption in Russia.]. Available at: <https://prosecutordata.rbc.ru/> (accessed February 10, 2026).

Shchedrin N.V., Damm I.A. *Antikorruptsionnye mery bezopasnosti* [Anti-corruption security measures]. M., Prospekt, 2020. 496.

Siberian Anti-Corruption Forum. 2024. Available at: <https://rutube.ru/video/private/756ace0bf62070529e980405c347a63d/?r=wd> (accessed February 15, 2026).

Siberian Anti-Corruption Forum. 2025. Available at: <https://saf.sfu.ru/> (accessed February 5, 2026).

Sinel'shchikova E. IU., Il'iakov A.D. *Mery prokurorskogo reagirovaniia na narusheniia zakonov o protivodeistvii korruptsii* [Measures of prosecutorial response to violations of anti-corruption laws]. 2026. Available at: <http://kuzovatovo.ulregion.ru/korurt/2192/18140.html> (accessed February 17, 2026).

The report at the Siberian Anti-Corruption Forum 2025 was recorded on video. Available at: <https://rutube.ru/video/96270e7dc35c262edd3cf9a477a2b56a/> (accessed February 15, 2026).